

Московская мелодия Леонида Зорина

К 80-летию драматурга

3 ноября выдающийся российский драматург Леонид Зорин отметил свой 80-летний юбилей.

Его литературная судьба весьма своеобразна и очень драматична. Свою первую книжку стихов он опубликовал в 10-летнем возрасте. Стихи пришлись по вкусу самому Максиму Горькому, отметившему их в статье "Мальчик", вышедшей в том же 1934 году. В 23 года выпускник филологического факультета Азербайджанского университета и столичного Литературного института дебютировал в качестве драматурга. И не где-нибудь, а в знаменитом Малом театре, представившем его пьесу "Молодость". Но уже следующая драма Зорина "Гости" (1953) вызвала осуждение в партийной и профессиональной прессе, автора же заклеили "подголоском американского империализма" и тут же причислили к лику диссидентов. И с тех пор цензурные препоны и все с ними связанное были знакомы Зорину не понаслышке. Об этом, в частности, рассказывает в своих заметках, посвященных Зорину, художественный руководитель Театра имени Ермоловой Владимир Андреев, творческий путь которого от истоков до сегодняшнего дня связан с произведениями драматурга. Не менее ценна и их человеческая общность.

И все же имя Леонида Зорина крупным шрифтом вписано в историю отечественной литературы, театра и кино. Он автор таких уже ставших современной классикой произведений, как "Варшавская мелодия", "Покровские ворота", "Царская охота". Его перу принадлежат известные пьесы "Друзья и годы", "Римская комедия", "Декабристы", "Медная бабушка", "Карнавал" и многие другие. Практически все драматургические произведения Зорина имеют сценическую судьбу, причем не только российскую: они переведены на множество иностранных языков. Зорин известен и как прозаик, автор романов "Старая рукопись", "Странник", "Злоба дня", многих повестей, автобиографических заметок. И везде автора интересуют не столько события, сколько человек, волею судьбы в эти события вписанный, вынужденный преодолевать силу жизненных обстоятельств.

Уже очень много лет назад появился в Ермоловском театре мрачноватого вида молодой человек, исподлобья плывший, как нам казалось, на всех, кроме Лобанова. С самого начала было заметно, что молодой Зорин не просто с симпатией относился к Андрею Михайловичу, но был прямо-таки влюблен в него. Лобанов не был многословным, но создавалось ощущение, что Леонид Генрихович впитывает буквально каждое его слово. Так оно и было на самом деле, ибо я твердо знаю, что Лобанов для Зорина остался, быть может, главным человеком в жизни. Почему я об этом говорю? Потому что в конечном итоге такие встречи и определяют нашу суть, рождают в нас либо ферменты доброго постижения людей и жизни, либо поселают в наших душах горечь и недоверие. Не только события, которые способны на нас нахлынуть, но и некоторые люди, хотим мы того или нет, формируют в нас всякого рода начала. Так и Лобанов до сих пор вспоминается как человек, который позволил нам прикоснуться к необычному явлению. Я имею в виду драматурга Леонида Зорина.

Разница в возрасте у нас невелика – шесть лет. Но для меня он был и остается учителем. Я до сих пор обращаюсь к нему по имени-отчеству и никогда не позволю себе сказать: "Леня". Он же почти всегда ласково и вежливо зовет меня "Володечка" и только изредка "Владимир Алексеевич", когда чем-то встревожен или хочет предложить новое произведение. Причем не для постановки, он просит просто прочитать. А пишет он, слава Богу, много, просто удивляешься его внутренней энергии, таланту мысли этого человека.

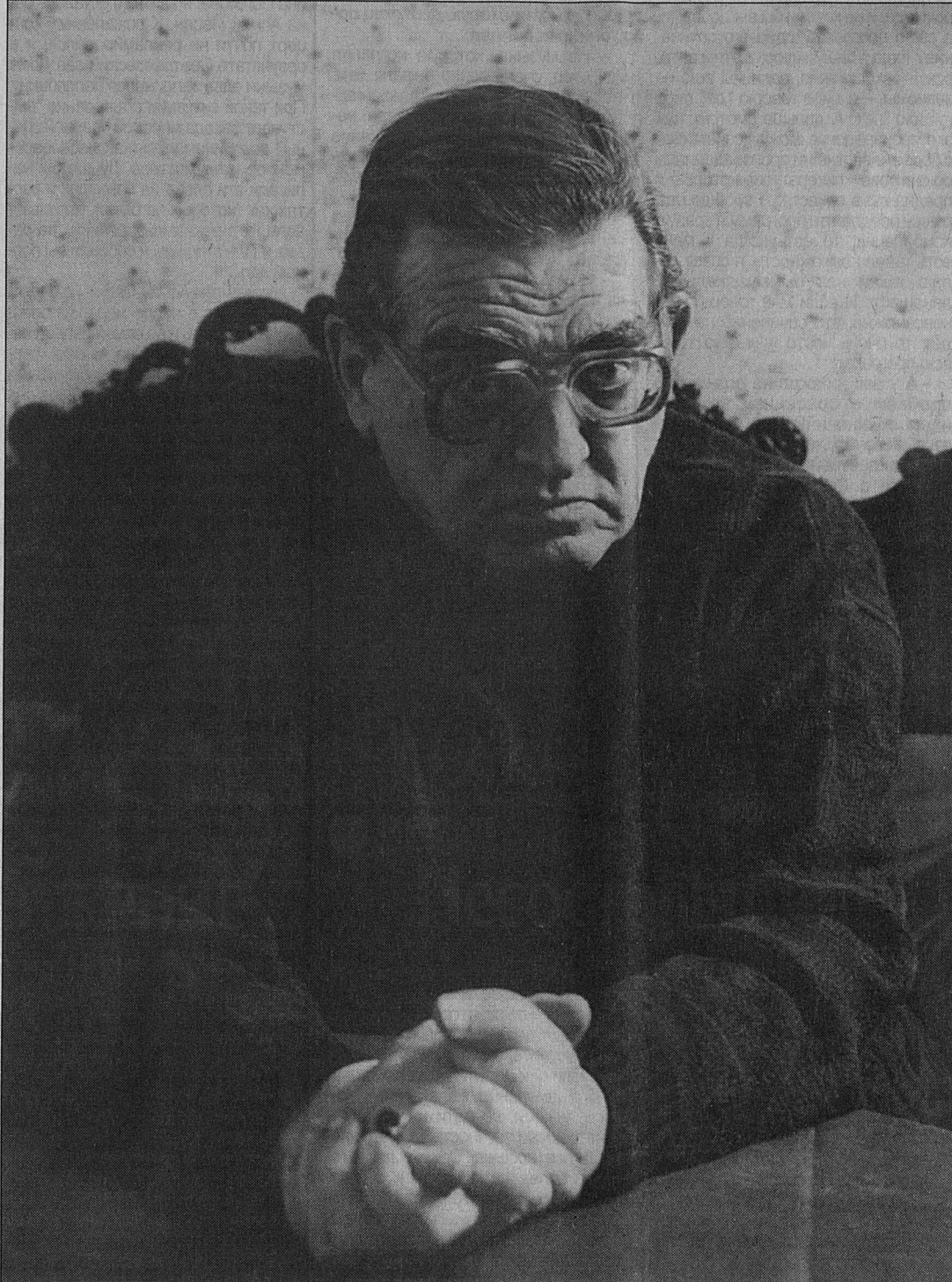
Я заговорил о таланте мысли, потому что ловлю себя на том, что иные высказывания Зорина беру на вооружение, они становятся моими. Значит, у нас одно мироощущение по многим параметрам. Замечаю, что мне удобнее то, во что я верую, высказать словами Зорина, потому что они точнее, острее. Зорин – это то, что вошло в мою жизнь в далекие 50-е и остается со мной до сих пор.

Я не могу забыть начало 50-х, когда скончался "друг народов" товарищ Сталин. И многие поверили, а в первую очередь Лобанов, что теперь можно защитить маленького человека. Маленького только по названию, на деле же человека настоящего, защитить во благо, ради строительства разумного социалистического общества, которое приведет к коммунизму. И вот в пьесе "Гости", которую принес в театр молодой Зорин, как раз и был такой адвокат, защищавший ни в чем не повинную женщину.

Мы начали репетировать. Помню, Лобанов тогда сказал: "Хорошо бы каждую работу начинать так, будто ты до этого ничего не делал". И добавил, обращаясь ко мне, 23-летнему: "Если бы вы, Володя, сыграли все про себя с помощью этой пьесы, получились бы, наверное, гениально".

Работали мы увлеченно. И вот наступил день генеральной репетиции на публике. Перед этим я спорил с Лобановым, я был молод и позволял себе это. Правда, потом природа всегда мне подсказывала, что надо делать так, как предложил Лобанов. У меня был монолог, обращенный к моему сценическому отцу, крупному чиновнику в Министерстве юстиции. Я говорил: "Где бы я тебя ни встретил, в каком бы кабинете ты ни сидел, что бы тебя ни охранял, найду тебя и буду бороться не на жизнь, а на смерть". Вдруг Лобанов мне советует: "Володя, надо это не гневно произносить, а улыбаясь". – "Как же можно улыбаться, когда я вызываю на бой отца, который перестал мне быть отцом?" – "Ну, делайте как хотите". На генеральной, сам того не желая, я начинаю произносить все это с улыбкой. И слезы начинают меня душить. Я улыбаюсь и плачу, ощущая, что публике все это необычайно интересно и дорого. Я испытал огромное актерское наслаждение и вместе с тем проявление какого-то гражданского начала. И в этом была заслуга Зорина.

Спектакль прошел на публике еще один раз, с большим успехом. Но следующая, увы, не состоялась. Помню, подходим мы с Всеволодом Якутом, замечательным артистом, к театру и видим, как начальник управления культуры Константин Александрович Ушаков вынимает из репертуарного стенда стекляшку с надписью "Гости" и заменяет ее "Невольницами". Тогда я еще не был склонен ко всякого рода обобщениям, но потом

Л. Зорин

оценил эту символическую замену.

Спектакль запретили. Не было ни одной газеты, которая не разнесла бы в пух и прах творение Зорина и Лобанова, осмелившихся включить в репертуар театра этот "враждебный документ". Удивительно, что Зорина и

Лобанова никуда не вывезли. Правда, оба они попали в больницу.

А в Театре имени Ермоловой шли собрания. Помню, одно из них вел Виктор Григорьевич Комиссаржевский. Что делать – заставляли. Он был серьезным эрудитом, знавшим

множество высказываний и цитат. И напомнил собравшимся древнее китайское изречение: "Порой мы стук копыта коня врага принимаем за биение сердца друга". Потом выступал человек, проводивший с актерами политзанятия, и вспоминал, как лета-

ли они на танках и били всякую мразь, которая мешала установлению Советской власти. Этот образ рождался у него, вероятно, в связи с нашей работой.

Я говорю об этом так подробно, потому что идут годы, но память не исчезает. И в дальнейшем мне почему-то всегда хотелось вернуться к "Гостям". Наверное, больше из упрямства, чтобы напомнить – было то время и мы в нем. В 1988 году, будучи тогда главным режиссером Малого театра, я предложил поставить "Гостей" там. Конечно же, теперь они звучали иначе. И другие проблемы появились в очередное славное время, на сей раз перестройки. Наверное, требовались иные деяния. Но я убедил Виктора Коршунова сыграть героя с не слишком человеческим лицом. И он, привыкший к положительным персонажам, согласился. Помню, на гастролях в Киеве мы пригласили на спектакль председателя Президиума Верховного Совета Украины Шевченко, а потом вместе с Коршуновым расспрашивали ее о впечатлениях. А зритель, надо сказать, принял спектакль тепло. Шевченко сказала: "Вы знаете, народу это будет интересно". Потом сделала паузу и осторожно добавила: "Но начальство может быть обижено". Значит, проблемы никуда не делись. Ничто не проходит бесследно.

А пьесы Зорина, почти все, по-прежнему выходили на разных сценах России со скрипом. Бывало, что спектакли запрещали. Однажды Георгий Товстоногов сказал мне у себя дома на кухне: "Володя, всякое придется ставить, но иногда позволяйте себе делать то, что вам нужно, что вы не можете не поставить и не сыграть". И я действительно "позволял" тогда себе ставить Вампилова или Зорина. А почему я вспомнил о Товстоногове? Потому что он однажды тоже ставил зоринскую пьесу – и чего же ему это стоило! По-моему, спектакль даже запретили. И в Вахтанговском театре его пьесы выходили трудно. И даже со знаменитой "Царской охотой" в Театре имени Моссовета все было совсем непросто. И с "Медной бабушкой" во МХАТе. Но, несмотря на это, Зорин оставался верен самому себе. Это удивительно дорогое качество, которое я в нем очень ценю.

После "Гостей" был достаточно длительный период, когда у нас с Леонидом Генриховичем прямого общения не было. Но если что-то у Зорина было напечатано, то он обязательно присылал мне журнал или книгу с трогательной надписью. И утверждал этим, что тот счастливо-несчастный период "Гостей" остается не только в памяти, но и в сердце.

А потом мне повезло. Я поставил в Ермоловском театре "Пропавший сю-

жет" и сыграл в нем Дорогина. Спектакль о последней любви одинокого человека, действие которого происходило в начале XX века. Но все было пронизано ассоциациями сегодняшнего времени. Спектакль вышел в начале 90-х, и телеканал "Россия" отважился включить его в цикл передач "Сенсации русского театра". Наверное, это было продиктовано прежде всего интересом к личности и творчеству Зорина. Мы играли спектакль в городах и весях России, а также в Риге, Берлине, Дюссельдорфе. Зрители приходили разные, не только эмигранты. А я всегда говорил: спасибо Зорину за возможность рассказать об этом вечном одиночке с таким чистым и добрым сердцем.

А потом Леонид Генрихович предложил мне сыграть Женихова в "Союзе одиноких сердец". Человека удивительного, который призывал прекрасную половину заниматься женскими делами и не очень-то торопиться в сферы власти. Воспитывать детей, дарить достойным мужьям радости семейной жизни. Все это было написано с такими свойственными Зорину теплотой и грустной иронией человека счастливого и вместе с тем не очень. Так мне кажется. Хотя, возможно, счастливее его делает творчество. Каждое утро он просыпается и садится за стол, ему хочется об этом мире рассказывать весело и грустно, печально и легкомысленно. Это так здорово.

Затем была "Измена". Помню, как Петр Фоменко, мой коллега по ГИТИСу, при встрече спросил меня: "А что ты сейчас делаешь?" – "Измену" – "Как интересно. Я в свое время в Ленинграде пытался это ставить, но работа не завершилась. Думаю, хорошо было бы к этому вернуться". И это меня еще сильнее подогрело. До сих пор вспоминаю некоторые актерские работы, особенно безвременно ушедшей Тани Щукиной. Как она тонко, иронично, грустно играла историю женщины, сочинившей свою легенду о любви. Сегодня эту ситуацию могли бы сыграть обывательской. Но Зорин сказал устами одного из своих персонажей: "Обыватель – совсем не плохое слово. Обыватели порой украшают этот мир".

А потом возник "Перекресток", или "Варшавская мелодия-98". Мы с Элиной Быстрицкой играли этот спектакль в Киеве, Новосибирске, Владивостоке, Берлине, Тель-Авиве, он везде хорошо принимался. Но, помню, как-то появилась статья, которая называлась, кажется, "Варшавская шинель Зорина", обидевшая драматурга. Зорин всегда был способен скрывать боль, он не так визгливо, как многие из нас, воспринимает эти уколы. Я позвонил ему и с актерским наивом, который не покидает и сейчас, спросил:

"Леонид Генрихович, ну как же это может быть сегодня?" А он так спокойно ответил: "Володечка, человек имеет право на собственное мнение, а они бывают разными".

"Перекресток" мне очень близок и дорог. Хотя моего героя иногда упрекают: мол, поступил по-мещански трусливо, отказавшись от своей любви. Но так могут говорить люди, которые ничего не помнят о том времени. А я сам прошел сквозь подобную ситуацию. Давным-давно, на гастролях во Львове я познакомился с девушкой польского происхождения. Ее отец в свое время вынужден был эмигрировать в Англию. К тому же у нее имелся дядя-кенсдз. Мы дружили, встречались. И меня тут же пригласили в одно известное учреждение: как это вы, молодой московский гость от искусства, встречаетесь с девушкой, у которой дядя – священнослужитель в кафедральном соборе, а отец – враг украинского народа, польский националист? Я продолжал с ней общаться, но был напуган, совсем как зоринский герой. Я уже как-то с оглядкой приглашал ее на наши спектакли, с опаской гулял по парку. И когда много лет спустя репетировал эту роль, всегда вспоминал этот эпизод.

Зорин говорит: мы редко вслушиваемся в смутный гул души. То есть стараемся его скорее определить, обозначить ярлыком или этикеткой. Но ведь именно этот гул души в конечном итоге рождает истину, которая потом формирует мысль. Иногда кажется, что Зорин берет на вооружение темы очень локальные, слишком личные. Но на самом деле автор вместе с персонажами всегда приходит к очень глубоким и серьезным обобщениям.

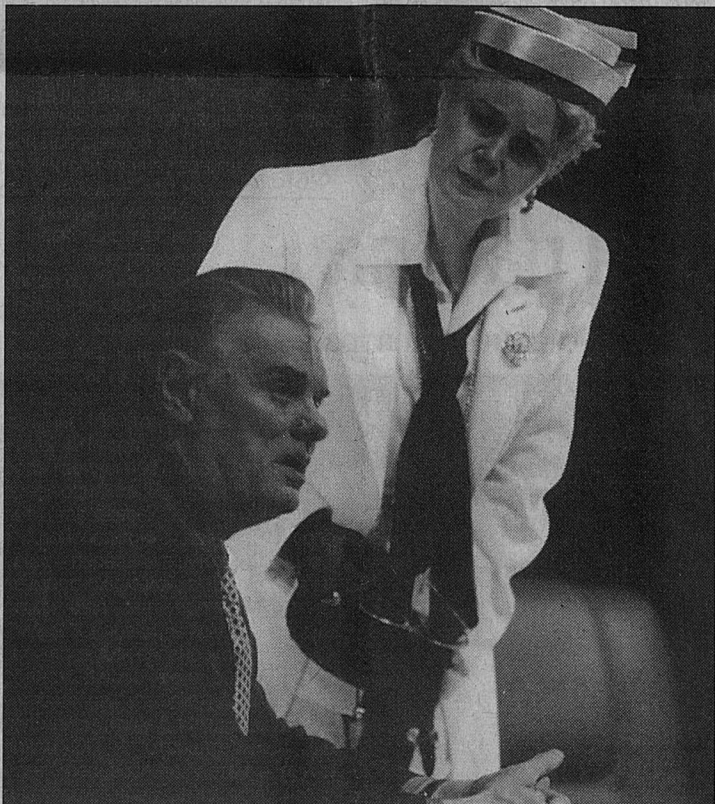
Несколько лет назад Леонид Генрихович разрешил себе на четырех диалог, которые назвал "Невидимки", написать: "Посвящается Владимиру Андрееву". И эта надпись меня мучила. Я прочитал диалоги и спросил себя: а как это воплотить на сцене? Трусливо от этого бежал и снова возвращался. И сейчас, заканчивая репетиции "Невидимок", боюсь, что, будучи слишком увлечен этими диалогами, не смогу сделать так, чтобы зрителям они оказались не только полезны, но и необходимы, интересны. Но сам я не могу от этого оторваться. И удивляюсь, как моя партнерша Маша Бортник, совсем молоденькая актриса, только что окончившая Щукинское училище, говорит: "Владимир Алексеевич, а чего же тут бояться?" Я ее прямо так по-зорински спросил: "А ты что-нибудь понимаешь?" – "Понимаю, а если и нет, то все чувствую".

Всегда говорю: спасибо судьбе, что она свела меня с Леонидом Зориным. Последний раз я видел его на похоронах Виктора Розова. Я знаю, что у них были непростые отношения. Но тем не менее он пришел проводить Виктора Сергеевича в последний путь. И эта встреча заставила нас вновь задуматься о том, что жизнь бежит слишком быстро и надо многое успеть.

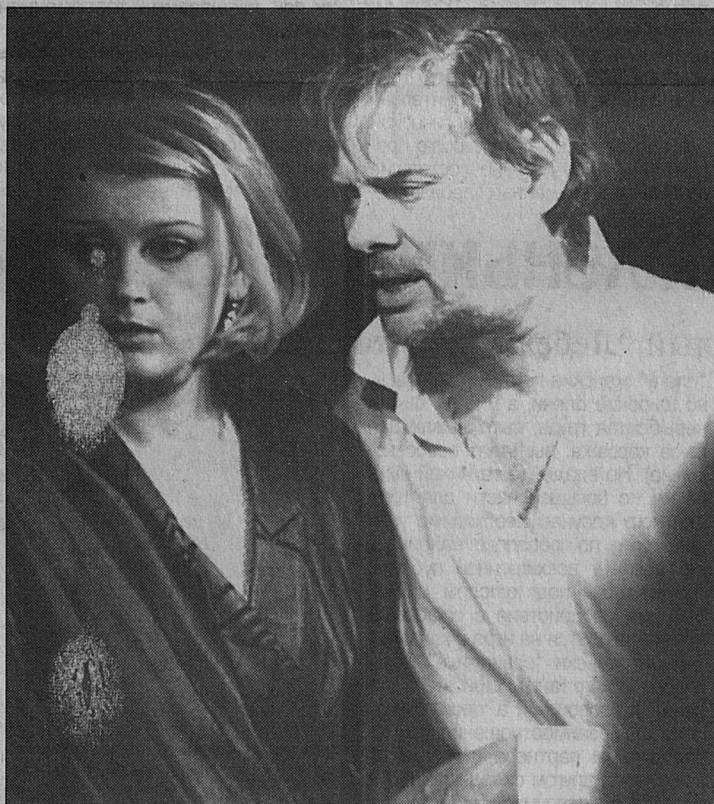
Зорину много лет. Ум у него ясный. Зорин знает неизмеримо больше, чем многие из нас. Сегодня он способен увлечься и увлечь, допустим, Блезом Паскалем. Его интересует Торричелли. Он не понаслышке знает о трагедии Аркадия Аверченко, о Тите Ливии и его времени. И не устает узнавать все больше и больше. Как после этого к нему относиться? Не только как к старшему товарищу, но и как к учителю. Пусть он будет здоров, этот учитель. Я знаю, насколько многие его всерьез уважают. Те, кого можно было бы назвать той самой, не очень, может быть, многочисленной, но подлинной элитой культуры. Знаю это твердо. Но, кроме этого узкого круга, судьба подарила Леониду Генриховичу большое число почитателей, зрителей. К его пьесам постоянно будут новые театральные события.

В. Андреев – Кирпичев и В. Якут – Трубин в сцене из спектакля "Гости"

В. Андреев – Он и Э. Быстрицкая – Она в сцене из спектакля "Перекресток"

О. Матушкина – Надежда и В. Андреев – Дорогин в сцене из спектакля "Пропавший сюжет"

Владимир АНДРЕЕВ